

Лассан Э.  
Вильнюс, Литва

**О ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ  
КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР  
КАК ИНДИКАТОРАХ СИЛЫ  
И БЕССИЛИЯ ОБЩЕСТВА**

УДК 81'27  
ББК Ш 100.3

**Аннотация.** В статье предлагается идея существования парадигмы концептуальной метафоры, структурирующей общественную жизнь. Эта парадигма включает 1) собственно языковой уровень ее реализации, 2) дискурсивный уровень, 3) уровень практических действий. Если языковой уровень концептуальной метафоры реализуется в дискурсе лингвокультурного коллектива как элемент его языковой системы, то соотношение двух других уровней в речевой и практической деятельности социума составляет специфику переживаемого общественного периода: *делать, не обозначая через метафору, обозначать, не реализуя экстралингвистических следствий, делать и обозначать.*

**Ключевые слова:** парадигма, уровни существования концептуальной метафоры, общественное лицемерие, общественное бессилие, идеология.

**Сведения об авторе:** Элеонора Лассан, профессор, habilitированный доктор гуманитарных наук, главный редактор журнала *Respectus Philologicus*.

**Место работы:** Вильнюсский университет, кафедра русской филологии, Каунасский гуманитарный факультет, центр социокультурных исследований.

**Контактная информация:** LT0513 Vilnius, Lietuva  
E-mail: [eleonora.lassan@flf.vu.lt](mailto:eleonora.lassan@flf.vu.lt)

Знаменитая работа Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» положила начало огромному потоку исследований, объектом которых стало «отслеживание» слов-ключей к тем метафорам, на которых строятся ментальные схемы интерпретации действительности как у целых социумов, так и у отдельных их представителей, чья духовная жизнь определенным образом влияет на речемыслительные практики целых сообществ (речь идет о политиках, писателях и т.п. – властителях умов и судеб). Особого внимания удостоилась политическая метафора, отражающая не только речевую, но и практическую сторону деятельности социума.

Думается, что мысль американских лингвистов-когнитивистов о том, что концептуальные метафоры структурируют не только речь, но и практическую деятельность носителей культур, может быть развита в определенном направлении: наблюдения над общественной жизнью позволяют предложить идею разноразноуровневого существования политических метафор в культурных практиках тех или иных социумов.

Как известно, в качестве наиболее характерных политических метафор общественной

Lassan E.  
Vilnius, Lithuania

**TAKING INTO CONSIDERATION EXISTENT  
FORMS OF CONCEPTUAL METAPHORS  
AS INDICATORS OF POWER  
AND POWERLESSNESS OF SOCIETY**

ГЧТИИ 16.21.27, 16.21.51  
Код ВАК 10.02.01

**Abstract.** Idea, regarding existence of conceptual metaphor paradigm which structures public life, is presented in the article. This paradigm includes: 1) linguistic level of its expression, 2) discursive level, 3) level of practical actions. If linguistic level of a conceptual metaphor is expressed in the discourse of lingo-cultural society as the element of its linguistic system, relation of two other levels in the linguistic and practical behaviour of a socium forms the particularity of a contemporary social period: *act without revealing a metaphor, reveal without expressing extralinguistic outcome, act and notice.*

**Key words:** paradigm, levels of conceptual metaphor existence, social hypocrisy, social powerlessness, ideology.

**About the author:** Eleonora Lassan, Professor Dr. Habil., Editor-in-chief of the Journal *Respectus Philologicus*.

**Place of employment:** Vilnius University, Faculty of Philology, Department of Russian Philology, Kaunas Faculty of Humanities, Socio-Cultural Research Centre at Vilnius University.

**Universiteto, 5, Filologijos fakultetas.**

жизни выступают *милитарные* метафоры, метафоры политической жизни как *шоу, спектакля*, метафоры *болезни* [Чудинов 2001] – к ним в последнее время прибавилась *маркетинговая* метафора, структурирующая политическую жизнь в терминах торговли (см. ниже).

Согласно предлагаемой гипотезе, политическая метафора, которой «живет социум», может иметь три уровня своего существования:

1) уровень структурирования практической деятельности. Поскольку регулирование практической деятельности социума осуществляется властью, постольку именно ей принадлежит внедрение метафоры в жизнь социума (организация одних форм жизни по образцу других). Сама метафора может озвучиваться в обществе или табуироваться в языке власти по определенным причинам (если власть не желает освещения подлинной сути своей политической практики). Если метафора озвучивается, она определяет языковую метафорику текстов соответствующего периода и может становиться основой развития текстов, их своеобразным предикатом, присоединяющим к себе соответствующие актанты (см. ниже). Так было с метафорой разделенного мира в дискурсе советской идеологии, где жизнь общества интерпре-

тировалась в терминах войны между двумя лагерями. Отсюда в текстах присутствовали *враги, предатели, изменники* и т.д.;

2) дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования концептуальной метафоры. Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафорике, имеющей образный характер, но не влечет за собой практических действий, вытекающих из метафоры на правах ее следствий (*враги и предатели* не уничтожаются).

При этом может существовать рассогласование между практической деятельностью власти, регулируемой определенной метафорой, и ее оценкой в речевой практике социума: метафора, используемая в независимых СМИ или дискурсе оппозиции для обозначения действия власти, несет отрицательную характеристику этой деятельности (см. ниже);

3) собственно языковой уровень существования концептуальной метафоры – она реализуется через «стертые» метафоры. Именно стертые метафоры прочно встроены в наш язык, заставляя нас думать о ситуации в определенных терминах: напр., в терминах *победы / поражения*, будь то избирательная кампания, публичная дискуссия или адаптация к сложностям бытия (*бороться с жизнью*).

Итак, проиллюстрируем сказанное наблюдениями над формой реализации той или иной метафоры, на определенном этапе используемой в социуме для характеристики его общественной жизни или для ее регулирования.

Каждая революция начинается с новой системы текстов и с новых метафор, в сущности, определяющих новизну текстовых приемов. Это положение настолько общеизвестно, что уже не требует отсылок к первоисточникам данной идеи. Так, метафора идеологической борьбы, конфронтации двух лагерей в мире с разными общественными устройствами, составлявшая основу политических текстов советского периода (будь то внешнеполитические отношения или отношения внутри страны в период 30–40-х годов) сменилась в начале 90-х прошлого века, после провозглашенной М.С. Горбачевым «деидеологизации» политики, иными метафорами – *спорта, шоу*, на данном этапе – *маркетинга*. Важно отметить характер дискурсов, использующих ту или иную метафору: если метафора борьбы была характерна для текстов власти, рупором которой были СМИ, то в последующий период общественной жизни, когда власть перестает контролировать СМИ (или оказывается неспособной это делать), в ее дискурсе и дискурсе СМИ могут использоваться разные метафоры для концептуализации общественной жизни. Говоря о мене метафор, хочется подчеркнуть, что концептуализация мира посредством тех или иных метафорических концептов определяется не «языковым вкусом эпохи», не случайным выбо-

ром определенной метафоры на роль интерпретатора действительности в тех или иных терминах – как метафорические модели политической жизни, так и смена метафор обуславливаются набором социальных факторов. Так, метафора *спорта* в российских дискурсах, пришедшая на смену метафоре *борьбы* советских дискурсов, в сущности, была ее органическим продолжением в новых условиях: метафора *спорта* очень близка метафоре *войны / борьбы*: чем, в сущности были «бои» гладиаторов – спортом? борьбой не на жизнь, а на смерть? Очевидно, что фрейм «гладиатор» в качестве одной из составляющих включает слот «смерть». Таким образом, метафора политической борьбы, войны двух лагерей, предполагающая и физическое устранение «врага», сменилась менее «кровавой», однако достаточно близкой по духу метафорой спорта (прекращение войны на время Олимпийских игр в античности можно рассматривать как сублимацию потребности в уничтожении Другого (агрессии) в потребность противоборства на спортивных состязаниях («Спорт – это имитация войны» (Джордж Оруэлл)).

*Предвыборная гонка, предвыборная борьба, предвыборный марафон* – спортивные метафоры не были характерны для советских кампаний выборов, где не было соревнующихся сторон; трудно даже произнести применительно к этому институту советского государства выражение «предвыборная кампания»: «Преобразование избирательной системы, начало которым положили массовый политический энтузиазм конца 80-х годов и нововведения в советском избирательном законодательстве, осуществленные в 1988-1989 годах, радикально изменили российские выборы. Выборы 1990-х годов разительно отличались от того мероприятия, которое называлось выборами в советские времена» [Бузин 2006: www]. Автор приведенных строк достаточно жестко оценивает и современные российские выборы, применяя к ним метафору *шоу*: «Несмотря на то, что российские выборы быстро приобретают черты **заранее отрепетированного спектакля**, несмотря на сужение круга избираемых органов власти, Россия не собирается отказываться от выборов вообще» [там же]. Советские выборы также можно обозначить как отрепетированный спектакль – с режиссерами, принявшими один и тот же сценарий на обозримые времена. Правда, у этого сценария была «дефектная парадигма» – не хватало для реализации всех слотов выборов, как уже было сказано, соревнующихся сторон. Но были щедрые декорации: избирательные участки украшались соответствующим образом – красными плакатами, шарами и т.п. (по воспоминаниям автора, жившего в провинциальном белорусском городке: выборы происходили в школе, где играла музыка, и в этот день – именно день, а не вечер – в фойе под музыку танцевали люди, как правило,

школьники, для которых день становился праздничным), и были актеры – и те, кто играл роль избираемых, и те, кто приходил на избирательные участки. (Можно сказать, используя термины когнитивной лингвистики, что фон доминировал над фигурой.) В сущности, советские выборы были не выборами, а референдумом по принятию кандидатур, выдвинутых партией. Метафора спектакля была скрыта: она реализовалась не на языковом, а на референтном уровне – отрежиссированная процедура, скорее, напоминала организованный поход школьников в театр, где разыгрывался спектакль под названием «выборы», – при этом «школьники» обязаны были не пропустить развивающегося действия. Эта принудительность оформилась языковой метафорой *пойти на выборы – исполнить свой гражданский долг*.

Как уже неоднократно отмечалось, начало 90-х годов характеризовалось широким использованием метафор *шоу* в дискурсе СМИ при описании политических коллизий: «звезды политической сцены играли превосходно», «в залах был полный аншлаг», «зарубежные гастроли наших либералов» и т. п. Естественно, что эти метафоры не могли быть озвучены на предыдущем этапе политической жизни, как и метафоры *борьбы* или *спорта*, поскольку, как мы уже говорили, советские выборы осуществлялись в системе, основной стилистической тональностью которой была серьезность, и по сценарию с неполным набором составляющих. Метафоры *игры*, *шоу* в начале 90-х прошлого века коррелировали с общим усилением театрализации политической действительности: избирательная кампания, проводимая с одновременным участием звезд эстрады и иногда расцениваемая как «дуэль Бабкина – Боярский» (имеется в виду выступление эстрадных звезд в поддержку «своего кандидата») подчеркивала характер выборов, происходивших в «обществе спектакля» (Ги Дебор). Автор тогда, как и известнейший российский представитель политической лингвистики А. П. Чудинов, усматривал в происходящей театрализации имитацию политической жизни, ее мимесис: «Прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» [Чудинов 2001: <http://www.demoskop.ru>]. Сегодня, в свете исчезновения подобных метафор из дискурса СМИ, автор по-иному оценивает прошедшее: эпоха начала – середины 90-х в России была временем освобождения от предписанной идеологией прошлого серьезности, весь «новый мир» превратился в спектакль: чета Горбачевых записала свои голоса в рэп-композиции, мэр Москвы Лужков сломал ногу, исполняя кульбит на арене Московского

цирка, что само по себе символично: на глазах овеществлялась метафора: *власть – цирк* и *власть сломала ногу*, танцевал и пел Б. Ельцин. Впрочем, пели не только в России – запел даже Иоанн Павел II: Ватиканом была выпущена пластинка, где под современную музыку, чем-то напоминающую рэп, папа читает молитвы на пяти языках. Это было время раскрепощения, отхода от традиционных форм поведения, время усталости от ужасов реальности. Примечательны события в Перу, когда в 1996 году в японском посольстве были захвачены террористами заложники – в это время возле посольства устраивались представления актеров и певцов с целью развлечь заложников. Война превращалась в шоу – и, напротив, в мире начала XXI века шоу стали пахнуть войной: так было с «Норд-Остом», так было и в Кении на конкурсе красоты 2002 года, где погибло около 250 христиан в ходе мусульманских актов возмущения статьей в газете под названием «Девушки так красивы, что каждая могла бы стать женой пророка Мухаммеда». Мусульмане не допускают десакрализации своего священного пространства, проникновения в него мирских и плотских элементов. Мы же можем констатировать, что особенности мироощущения и миропонимания в конце прошлого века структурировали действительность как театр, превращая войну в шоу, в то время как происшедшая смена мироощущения, напротив, превратила шоу в войну.

Уменьшение в политическом дискурсе театральности метафор (остаточным явлением можно считать метафору *фарса*, характеризующую дискурс современной российской оппозиции: «Я не участвую в фарсе» – акция демократов в ходе предвыборной президентской кампании 2008 года) связано, таким образом, с изменением духа экстралингвистической реальности. Тем не менее политическое действие в «обществе спектакля» продолжает носить его черты. Спектакль современных выборов совмещает в себе некоторые признаки прошлого (режиссеры – политехнологи от власти, сценарий имеет полную парадигму и, видимо, пишется всякий раз, если иметь в виду появление новых и иногда «псевдокандидатов», как это было на прошедших президентских выборах в России, где от демократов выступал малоизвестный А. Богданов, «назначенный» на роль демократа. [«По информации одной из центральных газет, в Кремле подумывают о том, чтобы поставить Богданова во главе новой «правой» партии, которая образуется после развала старых. Пока же лидер ДПР якобы проходит «обкатку» на президентских выборах. [<http://www.democrats.ru>]. Если исходить из дискурса оппозиционной прессы, то и результат выборов (финал спектакля) является заранее написанным. Но есть принципиальное отличие настоящих выборов от референдума советского пе-

риода, также обусловленное экстралингвистической действительностью: средства массовой коммуникации – прежде всего телевидение – делают нас участниками непрерывного спектакля, в котором любой предмет, в том числе и политик, становится продаваемым товаром. На сцене этого шоу высвечиваются только отдельные стороны товара [Дебор 2000: http], поэтому те, кто на сцене, так заинтересованы в том, чтобы высветить нужный ракурс. Отсюда повышается роль зрителей спектакля – электората. Слово *электорат* прочно вошло в дискурс российских политиков, смотрящих на своих сограждан сквозь призму их участия в выборах. Показательной в этом отношении представляется реплика одного из ведущих российских политиков в одном из телевизионных интервью: в связи с недавней кончиной автора бессмертного шлягера “Besame mucho” Консуэлы Веласкес телевидение обращалось с просьбой ко многим известным людям ответить, насколько, по их мнению, сегодня современен этот шлягер. Известный политик Вяч. Никонов ответил примерно так: «Не весь электорат сегодня принимает эту песню». О ком говорил В. Никонов? Об избирателях, отдающих голоса за его партию? Ведь *электорат* (от лат. *elector* – избиратель) – ‘круг избирателей, голосующих за определенную партию на парламентских, президентских или муниципальных выборах’ (Большой юридический словарь). Может ли это слово считаться точным синонимом слова *избиратели*? Из его толкования следует наличие дополнительных семантических компонентов (‘голосующих за определенную партию’), отражающих практику многопартийной системы, чего не было в прежней политической действительности. Значит ли это, что Никонов не предполагает иных возможностей у избирателей, чем быть сторонниками его партии (тогда выборы также превращаются в спектакль), или политик, не отдавая отчета в особенностях содержания заимствованного политического понятия, просто выражает свое видение сограждан как вечных зрителей политических действий? Вообще нельзя не согласиться с Константином А. Богдановым, высказавшим мысль о том, что на русской почве многие заимствованные понятия подвергаются трансформации: «Применительно к русской культуре давно замечено и часто повторяется, что история инокультурных заимствований в России – это прежде всего история переосмысления заимствуемых ценностей» [Богданов 2006: 8]. Так, последние выборы в Государственную Думу России (2007) в некоторых российских СМИ и призывах характеризовались как «референдум в поддержку Президента» [«Выборы в Государственную думу 2 декабря станут референдумом в поддержку курса президента России Владимира Путина. Как передает корреспондент «Росбалта», об этом заявил сегодня утром журналистам секретарь президиума генерального совета «ЕР» Вячеслав

Володин» [http://www.rosbaltvolga.ru]. Подобное употребление нарушает синтаксическую сочетаемость слова (*референдум по вопросу*), и свидетельствует о трансформации его значения по сравнению с тем идеологическим полем, из которого оно к нам пришло (при референдуме объектом является не кандидат или список кандидатов на определенную должность, а определенный вопрос).

При всех несовершенствах политической жизни, структурируемой в терминах *спектакля*, сама театральная метафора оказывается гораздо гуманнее милитарных метафор, так как не предполагает физического устранения политических оппонентов. В рамках действительности, структурируемой этой метафорой, они выступают, скорее в качестве актеров одного театра, стремящихся завоевать симпатии публики и главные роли политического репертуара, не гнушаясь при этом многими не дозволенными моралью вещами (грязным технологиями), как это бывает в театре. О милитарной метафоре много и плодотворно писали известные российские исследователи «метафорического зеркала России», и прежде всего А.П. Чудинов, отметивший наличие в конце 90-годов прошлого века агрессивную тональность российских СМИ, создаваемую такими метафорами [Чудинов 2001]. Безусловно, прав и коллега А.П. Чудинова Э. Будаев, сказавший о том, что система метафорических моделей СМИ служит индикатором общественного состояния, мирования общества даже в том случае, когда общество не отдает себе отчета в состоянии собственного сознания [Будаев 2007: www] – мне бы хотелось только сказать о неизбежности этой метафоры в наших устах и о разных уровнях ее существования в общественном сознании, как, впрочем, и других базовых метафор, структурирующих на определенном этапе жизни социума его мирозидение (далее: структурных метафор).

Конрад Лоренц, как известно, различал межвидовую и внутривидовую агрессию в животном мире, наследником инстинктов которого является человек. Лоренц приводит пример того, как нереализованный инстинкт агрессивности у человека, в принципе, не чуждающегося убийства сородича (внутривидовая агрессия, по Лоренцу), может приводить к тяжелейшим неврозам: он рассказывает об индейцах племени юта, тяжело страдающих от избытка агрессивных побуждений, не реализуемых в условиях урегулированной жизни современной индейской резервации в Северной Америке. Индейцы-юта, которые в течение нескольких столетий вели жизнь, практически полностью состоявшую из войн и грабежей, сегодня чаще, чем другие люди, подвержены неврозам и склонны к самоубийству. В этом племени существует строжайший запрет на убийство соплеменника (насилие по отношению к чужим – межвидовая агрессия – в порядке вещей). Перед нами пример запрета на внутривидовую агрессию, приводя-

щего к тяжелым нервным срывам [Лоренц 1992: 18]. Таким образом, частота реализации военной метафоры, отражающей потребность человека в выплеске агрессии, есть не только наследие истории народа, но и архетип сознания, имеющий своим истоком животный мир.

Нужно сказать, что метафоры *внутривидовой борьбы* весьма популярны в современном российском дискурсе, что также связано с экстралингвистической ситуацией – отсутствием подлинно противопоставленных политических партий в спектре политических сил России. *Внутривидовая борьба в российской политике, внутривидовая борьба единороссов, КПРФ на пути внутривидовой борьбы* и т.п. – эти метафоры можно считать новинкой политических дискурсивных практик, тем не менее связанной с основной – военной – метафорой и вместе с тем отсылающей к ее биологическим архетипическим истокам.

Если миром правит метафора *борьбы*, то те, кто говорят по ее сценарию, практически произносят один и тот же текст, независимо от лагеря, к которому себя причисляют. «И "ведьмы", а вернее – красно-коричневые оборотни, наглежа от безнаказанности, оклеивали на глазах милиции стены своими ядовитыми листками, грязно оскорбляя народ, государство, его законных руководителей, сладострастно объясняя, как именно они будут всех нас вешать... Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь с радостным удивлением убедились, достаточно окрепшей демократии?» Кому принадлежат эти слова? – Здесь и эпитеты *ядовитые, грязные*, использовавшиеся в дискурсе власти СССР против тех, в ком она видела своих врагов, и *оборотни* – слово, столь знакомое по шпионским скандалам в СССР, цель которого – расчеловечить «противника», и *наглежа*, и народ в качестве тотема и многое другое, знакомое по процессам, берущим истоки в далеких 30-х годах. А под письмом – подписи людей, глубоко уважаемых в обществе в качестве тех, кто противился торжеству репрессивной системы (Письмо 42-х 1993). Автор не хотел бы называть фамилии известнейших русских интеллигентов, как ему кажется, потерявших в этот момент «чувство стиля» – это случилось в октябре 1993 года, когда политическая борьба едва не переросла в гражданскую войну. Если продолжить разговор об октябре 1993 в Москве, то здесь произошло скрещивание метафор *войны* и *шоу*: политическая борьба стала войной, а война вокруг Белого Дома, в соответствии с правящей тогда театральной метафорой, транслировалась по телевизору (!) как шоу, и многие «зрители» (автор хранит эти воспоминания в памяти) не могли, по их словам, «оторваться от экранов».

Говоря о реализации структурных метафор, можно, как представляется, выделить парадигму базовой структурной метафоры, исходя из того, что именно находит реализацию в общественной практике: дискурсивный уровень метафор или следствия из них, имеющие вид неречевых (не только речевых) действий. При этом язык также испытывает определенную зависимость от формы реализации метафоры.

**К первому (верхнему) уровню реализации метафоры можно отнести случаи, когда сфера-мишень и сфера-источник в сознании языкового коллектива отождествляются.** При этом метафора регулирует деятельность социума и озвучивается в его речевых практиках, например, политическая борьба или конкуренция в бизнесе воспринимаются как настоящая война. В таком случае название оппонентов *врагами* или *предателями* ведет к таким же последствиям, как если бы это было на фронтовой полосе. Выражение *враг народа*, берущее свой исток во Французской революции (*ennemi du peuple*), было использовано в российской практике впервые Лениным по отношению к партии кадетов, которая в целом была представлена им партией «врагов народа». Как известно, Ленин определил слои населения (купечество, духовенство, прочие имущие слои), которые могут быть отнесены к *врагам народа* и на этом основании уничтожены. Интересно, что словари русского языка, начиная от словаря Ушакова и до Словаря русского языка (1981), в качестве иллюстрации к первому значению приводят *классовый враг, идейный враг*, само же значение толкуется практически тавтологичным образом: «Тот, кто находится в состоянии вражды, борьбы с кем-нибудь» (МАС), чего, естественно, нет в словаре Даля: «противник, неприятель, супостат, недоброжелатель, злорадец, (супротивник, противоборец; также в знач. общего противника рода человеческого, дьявола, сатаны или в значении военном, неприятельской земли, войска)». При таком толковании метафоричность значения в выражении *идейный враг* перестает ощущаться. *Враг* – не тот, кто реально причиняет зло, кто нападает на родную землю, а тот, кто может не соглашаться с идеей, мыслями, планами. Поэтому он должен быть физически устранен. Это и есть тот уровень жизни концептуальной метафоры *мир – фронт борьбы (мир – это война)*, при котором происходит полное уподобление сферы-источника и сферы-мишени, результатом чего являются соответствующие действия.

**Второй уровень существования структурной метафоры – наличие понимания того, что имеет место уподобление, а не отождествление двух сфер.** Метафора находит вербальное воплощение, но следствия из нее не реализуются в практической деятельности социалингвистического коллектива. Так, если

один из руководящих государственных деятелей говорит журналисту: «Враги прямо перед тобой, ты с ними воюешь, потом заключаешь перемирие, и все ясно. Предателя нужно уничтожить, раздавить... Знаете, Алексей, вы не предатель. Вы враг [www.newsru.com], за этим не следует соответствующих действий, то мы можем констатировать дискурсивный (собственно метафорический) уровень существования структурной метафоры и производных от нее номинаций действительности – уровень «растождествления» сферы источника и сферы-мишени. Как сказал поэт, «в России не много таких насчитаешь эпох / Прохладно-отрадных, и чудится в этом подвох» (А. Кушнер). Современный политический дискурс пестрит метафорой *врагов народа*: ср. политический бестселлер Дм. Рогозина под названием «Враг народа», список «врагов народа» на одном из националистических сайтов с именами правозащитников и сотрудников правоохранительных органов, противодействующих ксенофобии. Опасность такой концептуализации мира, даже при растождествлении членов метафорической модели, заключается в том, что второй уровень метафорической концептуализации может легко перейти в первый, что не раз случалось в истории. На названном сайте в разделе «Жертвы большой политики» указаны имена и фамилии правозащитников, следователей и сотрудников правоохранительных органов, их домашние адреса, паспортные данные, ИНН и места работы. По словам Александра Брода, фигурирующие в списке люди «очень взволнованы, поскольку опасаются насилия, учитывая, что в этом году национал-радикалы просто распоясались» (NEWS.ru.com). Автору хотелось бы привести пример, казалось бы, неожиданного случая перехода уровня растождествления членов метафорической модели мира как фронта в уровень их отождествления. Некогда, анализируя советский публицистический дискурс, автор усматривал сюрреалистический момент в таких, например, строках из литературных статей периода «оттепели»: автор статьи «Пусть камни говорят и учат» рассказывает о подписанном Лениным в 1918 года декрете «О памятниках великим деятелям социализма, науки, литературы и искусства»: «...Называя имена тех, кому предстояло стать навсегда на улицах и площадях... революционный народ имел в виду, что отлитые в бронзе, они будут не просто напоминать о себе, но и жить, бороться и действовать... Памятники должны были быть поставлены для того, чтобы сражаться в одном ряду с комиссарами, агитаторами и отважными воинами» [Цимбал 1966: 191]. Картина памятников, идущих в бой вместе с воинами Красной Армии, напоминала автору ожившего Командора, и сознанию, не пронитому духом военной метафоры, она представлялась жутковатой. Те, кто «отлит в бронзе», лишены покоя после смерти, имеют свою

«посмертную судьбу»: «жить, бороться, действовать». Однако прошло совсем немного времени, и «бронзовый солдат» в Таллине стал участником (если иметь в виду его удаление с «поля боя») и причиной подлинных сражений, с настоящими жертвами.

Нужно сказать, что иногда трудно различить уровни реализации метафоры в сознании, стоящем за определенным текстом. Так, «Независимая газета» в конце 1998 года помещает статью с названием «Верная твердыня православия», где автор Маруся Климова, рассказывая о строительстве Исаакиевского собора, возведенного, как известно, по проекту Огюста Монферана, в частности, пишет: «В поручении этого проекта молодому французскому архитектору заключался некий утонченный садизм: француз должен был воспевать мощь России, победившей в войне его родину, католик возводил памятник православной религии. Можно смело утверждать, что Монферан был первым русским коллаборационистом (и даже коллаборационистом в «квадрате»). Следовательно, начало французскому коллаборационизму было положено еще императором Александром I в 1818 году» [Климова 1998]. Отметим, что Монферан выиграл конкурс на лучший проект в 1809 году, то есть до Отечественной войны 1812 года – М. Климову, видимо, такие подробности не интересовали. Сознание, рассматривающее мир сквозь призму неизбежного военного противостояния, готово увидеть его приметы всюду, где намечаются контуры оппозиции «свой – чужой». Приведенный пример еще раз иллюстрирует и безусловную правоту А.П. Чудинова и Э. Будаева об агрессивном потенциале российской прессы в названный период, и, надеюсь, служит подтверждением мысли об архетипичности метафоры *войны / борьбы*: неявные антизападные настроения с годами переросли в открытые, агрессивный потенциал прессы стал действующим инструментом политической жизни: «Запад – враг России» [http://www.islamnews.ru]; «По мнению Илларионова, Россия пытается спровоцировать высокопоставленных чиновников западных стран на жесткие высказывания в свой адрес. Это необходимо для того, чтобы мобилизовать электорат против внешнего врага. Подобная кампания в России проводится под каждые выборы. В 1996-м году врагом были объявлены коммунисты, в 2004-м – олигархи, а в 2008-м эта роль уготована Западу» [http://www.klerk.ru].

Возвращаясь к тексту М. Климовой, думается, уместно констатировать наличие второго – дискурсивного уровня существования мультитарной метафоры: метафора военного противостояния развертывается в тексте, но никаких действий по отношению к «коллаборационисту» Монферану не может последовать. Тем не менее, если предположить, что французы решат по образцу других народов пересмотреть свою историю, может возникнуть изменение

отношения к известному архитектору: если бы соотечественники Монферана решили вычеркнуть его из своей истории на том основании, что он был «коллаборационистом», то мы бы имели реализацию первого уровня концептуальной метафоры. Остается надеется, что второй уровень существования военной метафоры все реже будет перерастать в первый – подлинного военного противостояния.

**Третьим уровнем реализации (существования) структурной метафоры является употребление обусловленных ею номинаций как практически клишированных обозначений действительности, метафоричность этих номинаций ощущается, но образно-экспрессивный потенциал метафоры исчезает: на левом фланге партии, предвыборный штаб/ борьба, победить политических противников и т.п. «Стертые метафоры» представляются «эхом» концептуальной военной метафоры – именно они неизбежно присутствуют в нашей речи, независимо от предмета говорения: кинематографисты ведут борьбу на кинофестивалях, мы убиваем время и даже боремся с жизнью, не понимая того, что результатом победы над жизнью может быть только смерть. Но и третий уровень – стертых метафор – может реактуализироваться и перерасти в иные уровни существования базовой метафоры: например, конкурентные отношения в бизнесе, трактуемые в терминах борьбы и войны, приводят к подлинному «отстрелу» актантов бизнес-ситуации.**

Идея разноуровневого существования структурной концептуальной метафоры в полной мере относится и к другим структурным метафорам, упоминаемым выше: так, массовый исход мастеров сцены в политику можно расценивать как полное отождествление политической трибуны и артистической сцены (*весь мир – театр*). Интересно, что живая метафорой театра, лингвокультурный коллектив перестает ощущать разницу в значении слова *роль* в таких употреблении, как *роль интеллигенции* (=значение), *социальная роль* (=функция) и *артистическая роль* (=художественный образ). Примером такого смешения прямого и метафорического значений слова *роль*, как представляется, является следующее высказывание известного российского политического комментатора: «Политик не актер, он сам себе и сценарист, и режиссер – это главная его функция. Ну и актер, исполнитель, естественно. Все люди, всякая профессия предполагает какую-то роль, у врача, у журналиста, у политика, у любого есть социальная роль. Поэтому, когда это путают с тем, что он все врет, – это немножко другое дело. Разные есть игры, разные есть актеры и режиссеры, а роль она у всех людей есть, без роли вообще жить нельзя» (Леонид Радзиховский в передаче «Радио Свобода»). Ответ на вопрос: «Должен ли политик быть ак-

тером?») [Политика и лицедейство: 2003, [http](http://)]. Отметим, что только в театре / кино роль *играют хорошо* или *плохо*, в остальных случаях роль *выполняют / исполняют*. Если же роль врача играют, то к такому врачу крайне опасно обращаться пациентам. Интеллигенция может *сыграть свою роль*, но роль эта может быть только *большой* или *незначительной* – *хорошо* же *играть свою роль* интеллигенция не может.

Как уже было сказано, исследования политической метафоры показывают, что в дискурсивной практике происходит мена доминирующих метафор. Военные метафоры могут занимать ведущие позиции в политическом дискурсе определенного сообщества и могут эти позиции сдавать, никогда не уходя, в силу своей архетипичности, из когнитивных структур социума. [В дискурсе «молодых демократий» 90-х годов, например, в Литве, в качестве наиболее популярного обвинения, предъявляемого политическим оппонентам, было обвинение *предатель нации (tautos išdavikas)*]. Как показывает время, военные метафоры сдают позиции под натиском других метафор, определяющих мироощущение социокультурного коллектива на определенном этапе его существования. И вот здесь хотелось бы отметить в российском дискурсе появление метафоры нового типа, производной от структурной метафоры, которая до сих пор не отмечалась как характерная для российского дискурса. Он заперестрел метафорами *супермаркета* для обозначения пестроты политического спектра или использования супермаркетов для проведения политических акций. [«После победных для партии выборов 2003 г., несмотря на почти неизбежное превращение массовой правящей партии в некий «идейно-социально-политический супермаркет», в ней структурировались три идеологические платформы» [<http://gazeta.rjews.net>], *сэконд-хэнда* для обозначения вторичности политических идей [«Потому что все, что делает и предлагает сегодня президент... – это все политический «сэконд-хэнд» с плеча Кучмы, который Ющенко решил поносить» [<http://narodna.org.ua>], *шопинга* («Политический шопинг ХАМАСа») [[www.ng.ru](http://www.ng.ru)], *франчайзинга* для обозначения поиска политических покровителей [«В Украине стремительно развивается политический франчайзинг – передача в управление брендов раскрученных политических блоков и партий, считает киевский политолог Андрей Ермолаев» [<http://www.newsukraine.com.ua>] и т.п.

Читатель уже понял, что речь идет о «торговых» метафорах, или метафорах маркетинга. «Современная эпоха, называемая эпохой глобализации, сопровождается объективными процессами, среди которых особенно следует выделить процесс маркетинга во всех сферах общественной жизни. Процесс маркетинга в конце XX-го – начале XXI вв. приобрел гло-

бальный характер. Это связано с широким распространением и развитием рыночных отношений, которые стали пронизывать все сферы общественной жизни. В итоге сформировался особый тип массового мышления, базирующийся на рыночных подходах и рыночных ценностных ориентациях. Проникая в область политики, рыночная парадигма сделала возможным появление и распространение в общественном сознании таких понятий, как «политический рынок», «политический капитал», «политический маркетинг»... По аналогии с рыночными отношениями продавцов и покупателей начали трактоваться взаимоотношения между политическими субъектами органами государственной власти и гражданами, партиями и общественностью, кандидатами и избирателями» [Спаский 2005: http].

Весьма показательным с точки зрения построения текста как развернутой метафоры *политика – это маркетинг* представляются выдержки из следующего текста:

**Госдума на пороге банкротства. Коммерческий расклад может опрокинуть политический.**

С точки зрения организации бизнеса, нижняя палата парламента представляет собой достаточно локальный рынок с годовым оборотом, не превышающим \$250-300 млн., т.е. на порядок меньше, например, рынка косметических средств и сравним с оборотами интернет-рынка. Транзакции на этом рынке ограничены: их можно проводить лишь через 450 брокерских контор, персонифицированных физическими лицами-депутатами. Лицензии брокеров – четырехлетние и приобретаются в ходе так называемой «политической борьбы»

Бизнес-цикл каждого «брокера» в Думе (на деле, «депутат» – это ЗАО, а не ПБОЮЛ: без команды официальных и неофициальных помощников народный избранник практически неконкурентоспособен на рынке политических услуг) начинается с инвестиций в приобретение лицензии – а именно, депутатского мандата. Стоимость избирательной кампании на выборах 2003 года для депутата-одномандатника оценивалась в \$250-800 тыс., более или менее проходное место в федеральном списке шести партий – «Единой России», ЛДПР, КПРФ, «Яблока», СПС, «Родины» – котировалось в сумму от \$300 тыс. до \$2,5 млн., в зависимости от обстоятельств. В среднем депутат, покупавший место в Госдуме, выложил за него \$400-500 тыс [Бутрин 2003: http].

Если говорить об уровнях реализации базовой метафоры, то мы имеем при описанном положении вещей, очевидно, полное отождествление сферы политики и сферы торговли (первый уровень реализации метафоры). При этом деятельность власти регулируется метафорой маркетинга, но власть не озвучивает эту метафору в своих речевых практиках – ее вербальное воплощение происходит в дискурсе

СМИ, на данном этапе общественной жизни России не находящихся под жестким контролем властных структур. Автор приведенной выше статьи говорит, в частности, об отношении россиян к своим политикам: «большая часть населения твердо уверена в том, что российские депутаты идут на выборы за деньгами». И здесь я не могу не привести редакторский казус, происшедший с обращением Исыкульского форума интеллектуалов, который на интернет-странице [www.asiajournal.to.kg] выглядит следующим образом:

**Обращение участников Исык-Кульского Форума-97 к политическим дилерам мира и международной общественности: Бишкек, 18 июля 1997 года.**

В самом тексте обращения писателей и политиков, художников и ученых: «Мы призываем политических лидеров мира». Произошла описка – в столь авторитетном обращении международной общественности, взывающей к утверждению принципов толерантности в мире. Естественно, вспоминается З. Фрейд: «Прямо невероятный случай опечатки и описки произошел в редакции одного распространенного еженедельника. Редакция эта публично была названа “продажной”, надо было дать отпор и защититься. Статья была написана очень горячо, с большим пафосом. Главный редактор прочел статью, автор прочел ее, конечно, несколько раз – в рукописи и гранках; все были очень довольны. Вдруг появляется корректор и обращает внимание на маленькую ошибку, никем не замеченную. Соответствующее место гласило: “Наши читатели засвидетельствуют, что мы всегда самым корыстным образом (in eigenutzügster Weise) отстаивали общественное благо”. Само собой понятно, что должно было быть написано: «самым бескорыстным образом» (in un-eigenutzügster Weise). Но истинная мысль со стихийной силой прорвалась и сквозь патетическую фразу» [Фрейд 2006: 218]. По Фрейду, в описках и обмолвках сквозит наша подлинная, часто скрытая от нас самих мысль. Не буду утверждать, что авторы приведенного текста видят в политиках только «продавцов» чужих интересов, но волей-неволей допущенные опечатки заставляют думать, что в мире *политических брокеров, дистрибьютеров, риллторов* подобные казусы являются имплицитным выражением структурной метафоры **политика – это торговля (маркетинг)**. На данный текст и его возможную трактовку указал мне польский лингвист К. Люцинский, автор вышедшей в 2010 году в Польше книги «Языковые взаимодействия и ментальность».

Итак, в предложенном материале была высказана мысль о том, что каждая из структурных метафор, выражающих мироощущение и мировидение социума, метафора, которой «социум живет», может иметь три уровня своего существования: 1) при регулировании действительности определенной метафорой и ее



озвучивании имеет место смешение в сознании членов социума реального и метафорического видения действительности: происходит полное отождествление сферы источника и сферы мишени. Метафорический характер языковых средств перестает ощущаться. Так, для *милитарной метафоры* этот уровень проявляется, как правило, в ведении действий, предусмотренных кодексом фронтовой полосы, против «врагов», «предателей» и т.п. Для метафоры *шоу* этот уровень реализуется в отношении к любому действию, событию как к требующему визуального освещения. «Общество спектакля», в котором мы живем благодаря телевидению, практически оставляет обществу единственный уровень реализации этой метафоры – уровень смешения реального действия и игры. Видимо, можно говорить о том, что утверждение данной метафоры в сознании общества сопровождается на первых этапах вхождением людей артистических профессий в политическую жизнь общества и, напротив, стремлением людей политики «выступить» на настоящей сцене. Постепенно расцветает имиджмейкерство и политическая режиссура (политтехнологии). Применительно к метафоре *маркетинга* этот уровень реализуется в покупке депутатских мест и голосов избирателей, что рассматривается частью общества как нормальное явление, не влекущее ответственности.

Мы не останавливались на метафоре *болезни общества*, рассматриваемой многими исследователями. Думается, что действительность дала нам печальные примеры реализации первого уровня этой метафоры: заключение инакомыслящих в психиатрические больницы и лечение их соответствующими препаратами.

Таким образом, первый уровень существования структурных метафор реализуется через непосредственные действия в концептуализируемой данной метафорой действительности (возможно, обозначение этого уровня как *первого* следует считать неточным. Лучше говорить о верхней границе реализации парадигмы структурной метафоры).

2) второй (срединный) уровень существования структурной метафоры – дискурсивный (собственно метафорический). Он проявляется в текстовом развертывании метафоры, в использовании соответствующей языковой метафоры, имеющей образный характер, но не влечет за собой действий, вытекающих из метафоры на правах ее следствий. Так, *милитарная* метафора не приводит к уничтожению «врага», а только к его словесному осуждению, метафора *шоу* должна побуждать политика чувствовать свое «расколотое» Я – между сущностью и имиджем, как чувствует актер различие между собственной личностью и воплощаемым образом. «Зрители» в таком случае вправе упрекнуть «исполнителей ролей» в не-

искренности и лицедействе. [Ответ на вопрос: *должен ли политик быть актером?* – «Конечно, нет, конечно, не должен быть лицедеем. Так как артист – это буквально профессия, относящаяся к совершенно определенной отрасли, сценической, театральной отрасли. Публичный человек должен владеть навыками публичной деятельности, любой публичный человек, но что же касается политической публичности, безусловно, здесь, на мой взгляд, налагаются определенные ограничения. Он должен соответствовать своему предназначению» [Карина Гюльязизова «Радио Свобода»: <http://>].

Применительно к метафоре торговли собственноразлично метафорический уровень реализации проявляется в использовании метафор *политического шопинга, супермаркета, сэконд-хэнда* и т.д. При этом отношения в политической сфере, как и во всякой другой, уподобляемые рыночным, в обществе не принимаются как естественные: «Граждане товарищи, не гоните! Надеюсь, вы смотрели вчерашние новости – и особенно «реальную политику», хе-хе. То, чем хотят выставить движение другороссов, и чем его выставляют – наиболее логичный ход властей. Касьянов – прозападный урод, Каспаров – политический брокер (Сорвав куш, он смотает куда-нить в Куршевель: <http://forum.msk.ru>). Отметим, что в случаях двух последних метафор (*шоу* и *торговли*) дискурсивный уровень реализации метафоры характеризуется выражением негативного отношения к сфере-мишени, а при переходе на первый уровень – от слов к делу – эта оценка нейтрализуется. «Игра» политиков перед «электоратом» или покупка депутатских мест начинают восприниматься как естественные явления.

К третьему уровню реализации структурной метафоры (нижней границе парадигмы структурной метафоры) было отнесено использование «стертой» языковой метафоры в дискурсивных общественных практиках. Стертые метафоры, особенно если они связаны с архетипами человеческого сознания, склонны «оживать», переводя структурную метафору на другие уровни – сознательного речевого и физического действия.

Думается, можно говорить о том, что, если третий уровень структурной метафоры реализуется в дискурсе лингвокультурного коллектива как элемент его языковой системы (дело сторонников «политкорректности» ставить запреты на пути реализации *милитарной* метафоры в языке, чтобы не провоцировать выплеск агрессии по отношению к Другому), то соотношение двух других уровней составляет специфику переживаемого общественного периода: можно *делать, не вербализуя метафору, обозначать, не реализуя экстралингвистических следствий, делать и обозначать*. Думается, исследование этих аспектов существования политической метафоры может задать

новый спектр исследовательских вопросов: **вопрос официального (общественного) лицемерия, общественного бессилия, утверждения метафоры как общественной идеологии**. Так, если власть выстраивает жизнь своих подданных на основе определенных метафор (выборов как спектакля), но не озвучивает метафору, а общество молча принимает такое регулирование жизни, то мы имеем общественное лицемерие. Конечно, здесь существует более сложный спектр общественных отношений: общество понимает и принимает/ общество понимает и не принимает/ общество не понимает и принимает. Видимо, каждая из этих ситуаций сопровождается своим набором дискурсивных практик – их характер требует отдельного исследования.

Если власть или оппозиция концептуализируют в тексте действительность определенным образом, но не прибегают к реализации на практике следствий из концептуальной метафоры (не арестовывают «врагов» или не «лечат» общественные болезни), то мы имеем ситуацию официального бессилия. Если оппозиция обозначает действия власти через метафору с негативным оценочным потенциалом (*политика-торговля*), и при этом ситуация в обществе не меняется, можно говорить об общественном бессилии. Наконец, если власть или другая общественная группа реализуют метафору и следствия из нее и в тексте и в практической деятельности, мы имеем идеологию этой общественной группы. Автор отдает себе отчет, что предложенная им схема существования концептуальной метафоры может быть серьезно уточнена и скорректирована в дальнейших исследованиях – если это произойдет, автор будет считать, что высказанная им идея продуктивна.

#### ЛИТЕРАТУРА

Богданов К.А. О крокодилах в России. – М.: Новое Литературное Обозрение, 2006.

Будаев Э. Политическая метафора в лингвокультурологическом аспекте // Аналитика культуроло-

логии. № 3 (9), 2007. URL: [analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368](http://analiculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=368).

Бузин А. Административные избирательные технологии московская практика. – М.: Центр «Панорама», 2006. URL: [www.yabloko.ru/Publ/Book/Selective\\_technologies/st\\_003.html](http://www.yabloko.ru/Publ/Book/Selective_technologies/st_003.html).

Бутрин Д. Госдума на пороге банкротства. // Глобалрус. 22.12.2003. URL: <http://www.globalrus.ru/opinions/135742/0>.

Дебор Ги. Общество спектакля. – М.: Логос, 2000. URL: [http://www.nbp-info.ru/new/lib/deb\\_obsh/02.html](http://www.nbp-info.ru/new/lib/deb_obsh/02.html).

Каринэ Гюльазизова «Радио Свобода» URL: <http://www.svoboda.org/programs/rt/2003/rt.080703.asp>.

Маруся Климова. Верная твердыня православия // Независимая газета. 22.12.1998.

Письмо 42-х // Известия. 5.10.1993.

Политика и лицедейство. 2003. URL: <http://www.svoboda.org/programs/rt/2003/rt.080703.asp>.

Фрейд З. Психология бессознательного. – СПб: Питер, 2006.

Цимбал С. Пусть камни говорят и учат. (О монументальной пропаганде) // Звезда. № 1. 1966.

Спасский 2005 URL: [http://planetadisser.com/see/dis\\_247949.html](http://planetadisser.com/see/dis_247949.html)

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное политической метафоры. (1991-2000). – Екатеринбург, 2001. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#330>.

URL: <http://narodna.org.ua/news/2007/07/09/4256>.

URL: <http://forum.msk.ru/material/news/325968.html>.

URL: <http://gazeta.rjews.net/hanin11.shtml>.

URL: <http://www.democrats.ru/rus/news/document1216.shtml>.

URL: <http://www.islamnews.ru/news-8490.html>.

URL: <http://www.klerk.ru/more/?77485>.

URL: <http://www.newsukraine.com.ua/news/44637>.

URL: <http://www.rosbaltvolga.ru/2007/10/05/419782.html>.

URL: [www.asiajournal.to/kg/ru/issues/1997/0203/final1.html](http://www.asiajournal.to/kg/ru/issues/1997/0203/final1.html)

URL: [www.newsru.com/russia/16sep2008/echo.html](http://www.newsru.com/russia/16sep2008/echo.html).

URL: [www.ng.ru/tag/granitsa](http://www.ng.ru/tag/granitsa).

© Лассан Э., 2010